

СЕГОДНЯ, ЕЖЕДНЕВНО И ВСЮ ЖИЗНЬ

НАД БАЗАРНОЙ площадью повисло раскаленное солнце. Такие дни иногда дарит осень в средней полосе России. Но о погоде в этот день никто не думал. Не до нее. В маленьком городишке Торопце ярмарка. С раннего утра полгорода от мала до велика толпятся вокруг привязанного к столбу огромного бурого медведя. Ребятишки бросают в него камешки, хохочут. Косопалый владыка лесов рычит, рвется с цепи, норовит схватить обидчиков.

И вдруг цепь не выдержала. Еще миг — и в лапах у разъяренного зверя бьется зазевавшийся мальчуган. Детский крик, как удар бича, хлестнул воздух: «Спасите!». Откуда-то сбо-

ку к медведю метнулся коренастый крепыш в шинели и буденовке. Его руки стальными клещами обхватили шею зверя. Тот яростно взвыл и ударом лапы разорвал рукав шинели. Гимнастерка окрасилась кровью. Но человек не замечал этого. Он ухватился за цепь и изо всех сил рванул медведя назад. Да так, что огромный зверь опрокинулся на спину. Обмотать цепь вокруг столба было уже делом секунды. Почувствовав себя в плену, мишка сразу как-то обмяк и только маленькие глазки его зло бегали из стороны в сторону.

Притихшая толпа опять стеклась на площадь. А парень стоял в стороне, с сожалением рассматривая порванный рукав. Появился мельник — хозяин медведя. В руках у него недвусмысленно поблескивал дробовик. Парень в буденовке опять вмешался: «Зачем же зверя убивать? Он-то не виноват, что его дразнили. Продай лучше мишку мне. Мы с ним поладим!». Ошарашенный таким выгодным предложением мельник не задумываясь продал Топтыгина.

Так и ушли они с площади. Новый хозяин и мишка, угрюмо, исподлобья поглядывающий на своего поводыря. Уш-

ли, чтобы стать товарищами, «партнерами» по трудной и опасной профессии.

И вот сейчас, через десятки лет после случая на ярмарке, я иду в гости к заслуженному артисту РСФСР, первому русскому укротителю Николаю Павловичу Гладильщикову.

Небольшой, дом словно заблудился в чаще яблонь. Весной здесь, наверное, белым-бело. Как на арене в ярком свете прожекторов.

Прохожу по коридору, сплошь завешанному афишами, и открываю дверь. Но не успеваю даже переступить порог: огромный, с доброго теленка, дог угрожающе ткнулся мордой мне в грудь. Я замер. «Тихо, Аскольд. Свои». Навстречу из глубины комнаты выходит хозяин дома. Мягкое рукопожатие. Глаза, теплые глаза пожилого, много пережившего человека приветливо смотрят на гостя.

Я смотрю на него и никак не могу отделаться от мысли: неужто и вправду этот добродушный человек, который сейчас мирно прихлебывает чай, одним движением руки смирял разъяренных львов, тигров, медведей, что этот человек и в свои 71 год без усилий сгибает кочергу!

На столе появляются фото-

графии. Их множество. Пожелтевшие от времени старые снимки — на них молодой атлет схватился врукопашную с тигром. И совсем недавние, где уже пожилой человек заглядывает в пасть огромному удаву.

Два застывших мгновения. И между ними — человеческая жизнь.

Николай Павлович считает себя москвичом. И чтобы удостовериться в этом, не обязательно заглядывать к нему в паспорт. Достаточно почитать афиши его выступлений. А они могут рассказать о многом. Вот, например, одна из московских афиш, датированная 1923 годом.

«Мировой аттракцион! Только у нас в цирке! Борьба человека с 18-пудовым медведем! Автомобиль с десятью пассажирами проедет по груди Николая Гладильщикова. Русский богатырь удержит на своей груди оркестр духовой музыки в 25 человек. Вес давления — 120 пудов!».

— Да, и такое было, — улыбается Николай Павлович. — В те годы большинство цирков находилось в аренде у частных предпринимателей. А они требовали «смертельных» трюков. Нередко мне приходилось исполнять номер под жутким

названием «Живой труп». Я ложился в гроб, который на глазах у зрителей заколачивали и закапывали в землю. Сверху насыпался могильный холмик. Около него начинались танцы. Через час меня откапывали и я раскланивался перед публикой. Иногда после таких «представлений» у меня горлом шла кровь.

Николай Павлович показывает фото.

— Вот, познакомьтесь, Крош-ка, — с этими словами Гладильщиков протянул фотографию. Я увидел громадного тигрового питона длиной никак не меньше пяти метров. Ничего себе «крошка»! Борьба с удавом стала вторым номером программы Гладильщикова. Сколько труда стоило укротителю научиться управляться с опасным «партнером»!

— Да не так уж много, — смеется Николай Павлович, — два ребра.

— Скажите, Николай Павлович, вы почти 50 лет выступали на арене с хищниками. Полвека балансирования на собственных, натянутых до предела нервах. Вам никогда не хотелось бросить зверей и заняться более спокойным делом?

— Конечно, были и такие моменты. Когда кажется, что ты беспробудно бездарен и

ничего у тебя не получится. От этих мыслей есть одно-единственное лекарство: иди обратно, к зверю. Забудь обо всем на свете и войди к нему в клетку так, как будто не было неудач, как будто ты встречаешься с ним впервые.

— А как вы считаете, может человек окончательно подчинить зверя?

— Да. Я думаю, что приручить можно любого хищника. Но того, кто на этом успокоится, ждет печальная участь. Сколько раз бывало, что зверя, которых я буквально вынуждал на руках, оборачивали свои клыки против меня. До сих пор еще шрамы остались.

Да, много следов оставил зверь на теле укротителя. Но зато не счесть следов, оставленных Гладильщиковым в сердцах зрителей. И сейчас, когда Николай Павлович на отдыхе, нет-нет да и потянет его в цирк, за кулисы, в так знакомый, пропахший острым запахом зверинец.

Не встретишь сейчас в Москве афиши с фамилией Гладильщикова. Но сегодня и ежедневно выходят на арену цирка его ученики, преемники. Так и будет. Сегодня, ежедневно и всю жизнь.